

РАССУДОК И ПРЕДРАССУДОК

Статья затрагивает логико-гносеологические и когнитивно-ценностные аспекты философского анализа проблемы предрассудка как элемента человеческого сознания. Определяются исходные характеристики понятия предрассудка в рамках номинального определения его на описательном уровне. Предпринимается попытка философского переосмысления просвещенческой парадигмы в связи с проблемой предрассудка.

Ключевые слова: предрассудок, рассудок, предпосылка, рационализация.

Хотя уже по определению предрассудок должен полагать нечто вынесенное за пределы рассудка, а точнее предшествующее ему, но в силу того же обстоятельства определяется и связанность предрассудка со сферой рассудка. Точно так же, например, мы называем сферу трансцендентального не относящейся к собственно трансцендентному, а исходящей, ориентированной на него. Еще один логический аргумент, опирающийся уже не только на сходство отношений, а на различие сравниваемых понятий, исходит из сопоставления предрассудка и предчувствия: последнее предваряет *именно* чувство, в то время как предрассудок находится в таком же отношении, но к другому понятию – рассудку. Таким образом, даже если рассудок противопоставляется тому, что должно представлять собой предрассудок, то предрассудок логически не противоречит, не исключает, а *предваряет* рассудок

Хотя основной задачей данной статьи непосредственно не является развернутая характеристика предрассудка как факта сознания и выяснение всей полноты его гносеологических, философско-психологических корней и социальных детерминант, все же представляется необходимым сделать соответствующее пояснение.

Придание определенных смысловых значений предрассудку явилось результатом определенной исторической трансформации слова. В период античности латинское слово *praesudicium*, на основе которого и возникли все последующие его европейские модификации, означало прецедентное юридическое решение, то есть мнение, основанное на предшествующих случаях до выяснения фактической стороны дела. Как видно, изначально происхождение самого слова связано с определенной рациональной процедурой, к которой затем уже стали присоединяться определенные коннотации. Срас-

ширением сферы применения термина претерпели изменение не только его первоначальное написание, но содержательно-смысловые оттенки: 1) необоснованность суждения, чаще всего вытекавшая из его предварительного характера («поспешное обобщение»); 2) эмоциональный тон, призванный компенсировать недостаточность рационального обоснования или отсутствие эмпирической информации.

Таким образом, можно выделить наиболее общие признаки, *приписываемые* предрассудку на основе внешнего его восприятия как факта человеческого сознания: необоснованность, имеющая тенденцию подменяться ложностью, привычность и устойчивость, оценочная предрасположенность (симпатия – антипатия) и априорность. Исходя из этого, отождествление, а точнее соотнесение, ассоциирование предрассудка с каким-либо другим понятием может быть оправдано в той степени, в какой это понятие содержит указанные «предрассудочные» признаки. Так, стереотип может оказаться ложным (будучи также и привычным), а заблуждение может стать привычным (ложность же присуща ему по определению). При этом каждый из перечисленных признаков может нести ценностную «заряженность».

Однако такое смысловое истолкование термина может быть принято лишь в качестве исходного для исследования, претендующего на нечто большее, чем описание и констатация уже известных и принятых смыслов. Дело в том, что слово может переноситься в область применения, к которой оно изначально не принадлежит. То есть необходимо выяснить, насколько характерны приписываемые признаки данному явлению, в какой степени эти признаки отражают суть явления. Вполне возможно, что «первоначальное» значение слова в подобной ситуации

«предстает снятым, и язык предлагает нам абстракцию, которая сама по себе подлежит понятийному анализу», а этимологии слов «представляют собой абстракции, предлагаемые не языком, а языкознанием, и их никогда нельзя верифицировать с помощью самого языка, их подлинного употребления. Поэтому даже когда они правильны, то являются не фрагментом доказательства, а предпосылкой понятийного анализа» [2: 148–149].

Предрассудок может быть рассмотрен и в рамках соотнесения так называемых «формальной» и «содержательной» логик в духе философского трансцендентализма. Как известно, проблемы трансцендентальной логики самим Кантом определялись в качестве основной части его критической философии. Целью данной логики являлась такое познание предметов, тех мыслительных операций, что позволяют строить синтетические суждения а priori. Синтетическую сторону таких суждений составляют априорные формы чувственности (пространство и время), являющихся предметом рассмотрения трансцендентальной эстетики, предшествующей собственно трансцендентальной логике, лишь выявляя предварительное условие формирования искомым суждений. Следуя Канту, необходимо подчеркнуть принципиальное различие таких суждений от просто исследования суждений в рамках так называемой (у Канта) «общей логики», которая «отвлекается от всякого содержания знания», а значит, ничего не говорит об условиях возможности познания. Но предрассудок не является только определенной пространственно-временной характеристикой предметов, данных в чувственном восприятии. Как уже отмечалось, предрассудок вовсе не является предчувствием. То есть предрассудок не есть модус априорной формы чувственности. Даже если конкретный предрассудок внешне выглядит чувственной реакцией и, в этом смысле, проявляется как иррациональный компонент познания, то скорее это можно назвать рационализацией иррационального. Прежде всего предрассудки, будучи актом психической деятельности, следует рассматривать как диалектическое единство чувственного и рационального в познании. Та или иная составляющая этого единства может принимать различную степень детерминации в проявлении того, что именуется предрассудком. Поэтому собственно предрассудок преимущественно должен быть рассмотрен как своего рода *пред-суждение*. Такой аргумент сле-

дует принять даже с учетом того, что это не отменяет того несомненного факта, что у человека почти всякое чувство сопровождается мыслительными ассоциациями, а большинство мыслей имеет чувственно-эмоциональную «нагруженность».

Но указывать такую серьезную предпосылку дальнейшей интерпретации предрассудка в качестве компонента преимущественно в когнитивном аспекте было бы чрезмерным сужением проблемы. Дело в том, что сама форма проявления того, что мы называем предрассудком, вызывает неоднозначное толкование его природы. Некоторые сомнения, возникающие по этому поводу, можно выразить в следующем вопросе: с чем мы собственно имеем дело – с рационализированной чувственно-эмоциональной реакцией или с неосознаваемым заблуждением? Сама логика, так поставленного вопроса, уже склоняет к определенному ответу. Так, даже если акцентировать аффективную составляющую предрассудка, то свойство быть всегда выраженным в конкретном суждении уже презентует не само по себе непосредственно, например, эмоцию, а является, по сути, ее рациональной репрезентацией. Ассоциативная же связь с заблуждением также позволяет рассматривать предрассудок как элемент или продукт, хотя и «неправильной», но все же рациональной деятельности.

Если рассматривать предрассудок как определенное суждение, характеризующееся в качестве такового степенью адекватности действительности, то объективно оно может как соответствовать, так и не соответствовать последней. Другими словами, предрассудок может выражать как истину, так и заблуждение.

Из такой характеристики предрассудков следует возможность и негативной, и позитивной их оценки с точки зрения соотнесения его с истинным либо ложным суждением. В том, что возобладала первая из этих возможностей, можно проследить конкретно-исторические и теоретические предпосылки, имеющие достаточно серьезные основания. Главное из них заключается в том, что статус достоверного (истинного) знания приобретают лишь те суждения, которые имеют прежде всего обоснование рационально и методологически выверенное. Причем такая позиция вовсе не исключает также и эмпирической подтверждаемости, а, наоборот, подразумевает ее. По-видимому, здесь следует развести рациональное и методологически последовательное рассуждение

с произвольным психологическим механизмом рационализации наподобие того, как все курящие убеждают себя, что курение не так вредно, как об этом говорят, а если избирательно относиться к последствиям этой привычки, то можно и найти основание полезности. Конечно, это не есть проявление научного рационализма, а именно рационализация. Рационализм полагает прежде всего Разум как наиболее достоверный критерий истины, что наиболее радикально выражено явлением Просвещения, полагаемым не только как историческая эпоха, но и определенное идейное течение. Правда, такой подход наиболее прочно выглядит в естественно-научном познании, применительно же к другим областям даже научного знания, например, исторического или культурологического, ситуация не столь очевидна и бесспорна.

Дело в том, что сложившееся предубеждение против предрассудков в основе своей опирается на то, что они являются суждением, всегда выносимым до подтверждения в фактах. Это возможно, как правило, либо в силу авторитета, либо как результат поспешного обобщения, то есть без предварительного обоснования. Другими словами, предрассудки не отвечают главному условию, делающему его позитивно ценным, с точки зрения ортодоксального рационализма в них нет уже по определению рациональной доказательности. Но является ли отсутствие доказательства, обоснования свидетельством отсутствия истинности? Скорее, это уже вопрос веры. Как, например, одни говорят, что *верят* в существование Бога, а другие с такой же убедительностью отвечают, что *верят* в его отсутствие. С точки зрения формальной логики здесь просто нужно учитывать элементарное разделение между истинностью и правильностью рассуждения, далее, между истинностным и ценностным отношением к объекту. Таким образом, затрудняют познание истины не сами по себе наши предмнения, предвосхищения, предрасположения, а отсутствие ясности в их основаниях, что и заставляет сомневаться в их истинности. Другими словами, доказательность приравнивается обоснованности, это, в свою очередь, отождествляется с истинностью, а уже последнее выглядит более предпочтительно в ценностном отношении.

Среди прочих характеристик предрассудка уже упоминалось его функциональное значение как оценочного суждения. Это делает це-

лесообразным соотнесение его со знаменитым принципом «свободы от оценочных суждений» [1: 547–600].

Причем основные возражения против допущения ценностей в специально-научное знание возникают у радикальных сторонников этого принципа именно в связи с отнесением оценочных суждений в разряд нежелательных предрассудков. Характеристика так называемых «оценочных суждений», по крайней мере отчасти, совпадает со сходной позицией большинства мыслителей эпохи Просвещения, провозгласивших свободу Разума от предрассудков. Вспомним хотя бы ставшее крылатым высказывание Вольтера: «Предрассудки – разум глупцов». Такую безапелляционность надо воспринимать сегодня строго исторически. Лучше и точнее всего, на наш взгляд, это получилось у Х.-Г. Гадамера, назвавшего просвещенческую критику предрассудков дискредитацией и связав свое отношение к предрассудкам, соответственно, с «реабилитацией авторитета и традиции». С этих позиций «предубежденность против предрассудков вообще и тем самым отрицание роли исторического предания» сама превращается в «коренной предрассудок Просвещения». И, как следствие, «преодоление всех предрассудков, это наиболее общее требование Просвещения, само разоблачает себя в качестве предрассудка, пересмотр какового впервые открывает путь для правильного понимания той конечности, которая господствует не только над нашим человеческим бытием, но и над нашим историческим сознанием» [2: 322–328].

Итак, предрассудок полагается принадлежащим к некоей «конечности», которой придается статус господствующей, ну а «наше человеческое бытие» и тем более «историческое сознание», несомненно, по своему смыслу должны включать переживаемый непосредственно конкретный человеческий опыт. Далее, «господство» и «конечность» вполне сопоставимы, сочетаемы с понятием общезначимого основания, независимого от непосредственного опыта.

Сущностная структура сознания, понимаемая также в смысле свойства актов сознания, стала основным предметом рассмотрения в феноменологии Э. Гуссерля и определяется с тех пор при помощи понятия интенциональности [3: 282–297]. Главным «препятствующим элементом» в реализации основных функций сознания, как не трудно догадаться, чаще всего называются предрассудки

и заблуждения. Так, для последовательного осуществления «чисто феноменологического опыта», по мнению Гуссерля, необходима «свобода от всех предрассудков, которые берут происхождение в иных сферах опыта и которым обычно отдается предпочтение по научным соображениям, они могут сделать нас слепыми к тому, что действительно предлагает феноменологическая рефлексия» [7: 6]. Такое отношение к предрассудкам последовательно проводится во всех главных работах Гуссерля, включая «Логические исследования» и «Картезианские размышления». В первой из этих работ даже выделяется отдельная глава под названием «Психологические предрассудки», а во второй с критического разбора предрассудков, ни мало ни много, всей предшествующей науке начинается собственно предметный разговор. Здесь в явной форме выражается методологическая преемственность феноменологии и картезианской философии, заявленная фактически уже в самом названии этой работы Гуссерля. Здесь особенно заостряется внимание на «радикализме картезианской идеи философии, как идеи универсальной, до конца аподиктически обоснованной науки» [3: 366]. В качестве таковой, эта идея, согласуясь со знаменитым принципом «декартовского сомнения», требует абсолютной и универсальной критики. А уже эта критика в гуссерлианской интерпретации, «должна, прежде всего, создать **универсум абсолютной бес-предрассудочности** (выделено Гуссерлем – примеч. авт.) посредством воздержания от всех точек зрения, в которых некое сущее оказывается заранее данным» [3: 366].

Цитированный фрагмент и непосредственно следующее за ним суждение являются, по сути, ключевым моментом, раскрывающим не только отношение Гуссерля к проблеме предрассудка, но и позволяющим выявить, пусть косвенно, те важные характеристики, которые ему приписываются. Причем речь идет о предрассудках не в смысле наивных суеверий, пережитков и т. п. на обыденном уровне их рефлексии. Выделяется особая категория так называемого «универсального предрассудка». Во-первых, предрассудок понимается как то, что неприметно пронизывает естественную установку; во-вторых, предрассудок свойственен опытному познанию мира. Отсюда видно, что предрассудку придается несколько расширительный смысл и в то же время в опытном познании действие предрассудка име-

ет тотальный характер, выражаемый через «повсюду сквозящую в нем уверенность в бытии мира». Действительно, налицо четко выраженная и последовательная позиция и при этом сознательно отрефлектированная.

Но при этом открывается одна интересная и, на наш взгляд, очень важная особенность. Фактически повторяется ситуация, если не совпадающая, то вполне сравнимая с той, которая была уже отмечена Х.-Г. Гадамером: вновь явно выраженное сознательное стремление преодолеть всяческие предрассудки обнаруживает себя не чем иным, как определенного рода предвзятостью, разумеется, не осознаваемой в качестве таковой самим ее выразителем. Причем эта аналогия может быть неоднократно продолжена, перерастая в определенную повторяющуюся последовательность. Это позволяет нам выдвинуть гипотезу: возможно, что всякий раз, когда заходит речь о предрассудках на рефлексивном уровне, то есть при сознательном обозначении той или иной интеллектуальной установки в качестве именно предрассудка, может *вдруг* обнаружиться скрытая, *нерефлектируемая предпосылка*. В соответствии с данной гипотезой это «вдруг» уже теряет определенную степень неожиданности.

Постараемся сделать более убедительными вышеизложенные соображения, указав их косвенное подтверждение у последователя Э. Гуссерля и к тому же одного из основных представителей феноменологии. Речь идет об Р. Ингардене и его «Примечаниях к французскому переводу «Картезианских размышлений». Основные затруднения в понимании аргументации Гуссерля связываются как раз с предвзятостью некоторых его предварительных допущений, называемых Ингарденем «необоснованными допущениями в скрытом виде» [4: 524–525]. Но разве нельзя (со стороны «непредвзятого наблюдателя») квалифицировать такие «необоснованные допущения в скрытом виде» предрассудками? Но, на наш взгляд, такие допущения лишь выглядят необоснованными именно в силу своей скрытости, а будучи *раскрытыми*, проявят вполне веские основания. Если бы можно было спросить самого Гуссерля об этих «необоснованных допущениях», то наверняка он нашел бы что ответить, развернув при этом целую систему обоснований, которые для него лично представлялись очевидными.

Если использовать уже выведенное ранее определение предрассудка как неосознаваемую

рационализацию, явно выражающую негативную оценку той самой «уверенности в бытии мира», то сама эта негативная уверенность и есть не что иное, как предрассудок, который сам Гуссерль не назвал бы таковым. Ведь чтобы назвать нечто предрассудком в понимании Гуссерля, надо это нечто признать осознанно заблуждением. А поскольку предрассудок, если даже допустить, что он является заблуждением, не принимается сознательно, а субъективно признается как истинная позиция, отношение к предрассудкам у Гуссерля и является тем, чем является, то есть предрассудком. Естественно, что такая интерпретация позиции Гуссерля вовсе не является попыткой назвать ее ложной.

Надо отметить, что и у других последователей феноменологического метода эта противоречивая ситуация вызвала критику. Так, в «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти критикует классический рационализм за предположение чистоты и беспредпосылочности сознания, за понимание его конституирующей деятельности в форме трансцендентального Я, в форме полностью рефлексивно контролируемого «конструктивизма», «интеллектуалистских синтезов опыта», чему собственно противопоставляется попытка описать восприятие в качестве онтологически первичного, бытийного пласта человеческого опыта, осуществляющегося спонтанно, независимо от рационального и рефлексивного познания и являющегося, напротив, предпосылкой и основой объективного, рационального и рефлексивного познания. Отмечая при этом, что «величайший урок редукции заключается в невозможности полной редукции», собственно философия, понимаемая как особого рода радикальная рефлексия, «есть осознание ее собственной зависимости от нерелексивной жизни, каковая является ее исходной, постоянной и конечной ситуацией» [5: 13]. Можно по-разному относиться к критическому отношению Мерло-Понти относительно возможности полной редукции. Например, принимая в целом тезис о невозможности полной редукции, но оспаривая выбранную для обоснования аргументацию [6: 277]. В рамках нашего исследования привлеч внимание тот факт, что указанная критика получила свое логическое продолжение и развитие под характерным заголовком «Классические предрассудки и возвращение к феноменам» [5: 25]. Возможно,

здесь обнаруживается еще одно подтверждение ранее выдвинутой нами гипотезы.

Таким образом, основным итогом в попытке понять логику предрассудка можно выделить следующие моменты.

Во-первых, следует отказаться от трактовки предрассудка как *только* иррационального компонента сознания. По определению предрассудок лишь *предваряет* рассудочную деятельность, но не исключает ее. Рационализацию иррационального следует отличать от самой иррациональности. Но по той же логике, хотя предрассудок *не исключает* рассудочную деятельность, но это вовсе не предполагает *обязательность* таковой. По-видимому, это и явилось причиной резкой негативной оценки предрассудков в конкретном их проявлении. Сначала иррациональность сводится к противоположности рационального, затем на это накладывается смешение не рационального и не рассудочного, результат последнего тождества оценивается как нежелательное в познавательном аспекте; как следствие, предрассудок предстает в негативном свете, но уже не по явлению, а по сути, что является основной ошибкой при попытке преодолеть конкретный предрассудок.

Во-вторых, предрассудок по своей природе не является *только* суждением в формально-логическом смысле. А если даже рассматривать предрассудок прежде всего как определенное суждение, то это нормативно-модальное суждение. Ценностно-эмоциональная составляющая предрассудка если не устраняет, то, по крайней мере, нейтрализует дихотомию «истина – ложь». Это и означает, что предрассудок может выражать, как уже неоднократно замечалось, как истину, так и заблуждение. Следовательно, проблема заключается не в том, истину или заблуждение выражает предрассудок, а какой мотив скрыт за внешней рационализацией и насколько он силен. Следует не инкриминировать предрассудку отсутствие или недостаточность оснований, а выявить характер и степень обоснованности и достаточности.

В-третьих, из этих двух предыдущих моментов следуют ряд прагматических выводов: а) полное искоренение предрассудков вообще само по себе является предрассудком, так как в действительности это лишь порождает синдром «возродившегося дракона»: логика борьбы с предрассудками является питательной средой

для возникновения новых предрассудков; б) поскольку предрассудок выражает неосознаваемую самим носителем предрассудка идейную и ценностную ориентацию, то эффективная нейтрализация негативных последствий воздействия предрассудков предполагает перевод неосознаваемых мотивов в область сознательно контролируемых процессов, а это уже зависит от готовности конкретного субъекта-носителя пересмотреть, корректировать основные свои жизненные установки; в) из предыду-

щего пункта вытекает уже чисто прагматическая рекомендация: в некоторых обстоятельствах вместо открытой, «лобовой атаки» на предрассудки, проще провести «незаметную» подмену одних предрассудков (нежелательных по каким-то соображениям) на другие. Вместо негативной предубежденности – сформировать положительную предубежденность, но, разумеется, с прямо противоположной объектной направленностью.

6.02.2012

Список литературы:

1. Вебер, М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
3. Гуссерль, Э. Логические исследования. Т.2. Ч.1. Исследования по феноменологии и теории познания. Исследование V. Об интенциональных переживаниях и их «содержаниях» // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. – Рига, 1988.
4. Ингарден, Р. Примечания к французскому переводу «Картезианских размышлений» // Логические исследования. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.
5. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия. – Спб.: «Ювента» – «Наука», 1999. – С. 13.
6. Молчанов, В.И. Исследования по феноменологии сознания. – М.: Издат. дом «Территория будущего», 2007. – С. 277.
7. Husserliana. Bd. 9, Haag: Nijhoff, 1962.

Сведения об авторе: **Габдуллин Ильдар Рустамович**, доцент кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2211, тел. 8 (3532) 372586, e-mail: i.r.gabdullin@km.ru

UDC 111

Gabdullin I.R.

Orenburg state university, e-mail: i.r.gabdullin@km.ru

REASON AND PREJUDICE

The article deals with the logic, cognitive and valuable aspects of the philosophical analyses of the prejudices problem as an element of human consciousness. The initial characteristics of the prejudice's notion are determined in the frames of its nominal definition on the descriptive level. The attempt of the philosophical re-thinking of the enlightenment paradigm is made here according with the prejudice's problem.

Key words: prejudice, reason, precondition, rationalization.

Bibliography:

1. Weber, M. The meaning of «freedom of assessment» in sociology and economics // Selected Works / M. Weber. – М.: Progress, 1990.
2. Gadamer, H.-G. Truth and Method: The Basics of philosophical hermeneutics. – Moscow: Progress, 1988. – 632.
3. Husserl, E. Logical Investigations. V.2. P.1. Studies in the phenomenology and theory of knowledge. Study V. Of intentional experiences and their «contents» // Problems of ontology in contemporary bourgeois philosophy. – Riga, 1988.
4. Ingarden, R. Notes to the French translation of «Cartesian thought» // Logical Investigations. Cartesian thinking / E. Husserl. – Pl.: Harvest, M.: AST, 2000.
5. Merleau-Ponty, M. Phenomenology of perception. – Spb. «Juventa» – «Science», 1999. – P. 13.
6. Molchanov, V.I. Studies in the phenomenology of consciousness. – М.: Publishing House «Territory of the Future», 2007. – P. 277.
7. Husserliana. Bd. 9, Haag: Nijhoff, 1962.